

18+

СЕДЬМАЯ ЖИЗНЬ

28 жизненных рассказов

Светлана Локтыш

**Седьмая жизнь.
28 жизненных рассказов**

«Издательские решения»

Локтыш С.

Седьмая жизнь. 28 жизненных рассказов / С. Локтыш —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-987948-6

Можно ли в память о любимом человеке изменить свою внешность и перестроить жизнь? Как найти баланс и гармонию в отношениях отцов и детей? И вправе ли человек подвергать опасности близкого? Всего в книгу «Седьмая жизнь» вошли 28 рассказов. Серьезные и даже трагические, философские и с долей юмора, они будут интересны всем, кому не безразличны вечные темы любви, гармоничных отношений, добра и зла.

ISBN 978-5-44-987948-6

© Локтыш С.
© Издательские решения

Содержание

Жизнь продолжается, мы пишем	6
Под покровительством магической семерки	7
Инна МИХАЙЛОВСКАЯ	8
Дважды в реку	9
Светлана ГАЛЫГИНА	13
Я же мать	14
Женькины шнурки	18
Подайте, Христа ради	21
Другая Маша	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Седьмая жизнь

28 жизненных рассказов

Авторы: Локтыш Светлана, Михайловская Инна, Галыгина Светлана, Сахаровская Елена, Андрианова Светлана, Литвишко Наталья, Роговенко Ксения, Крючкова Татьяна

Иллюстратор Дарья Галыгина

Редактор Светлана Локтыш

Корректор Наталья Литвишко

© Светлана Локтыш, 2021

© Инна Михайловская, 2021

© Светлана Галыгина, 2021

© Елена Сахаровская, 2021

© Светлана Андрианова, 2021

© Наталья Литвишко, 2021

© Ксения Роговенко, 2021

© Татьяна Крючкова, 2021

© Дарья Галыгина, иллюстрации, 2021

ISBN 978-5-4498-7948-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Жизнь продолжается, мы пишем

Этот писательский марафон «Три рассказа за 30 дней», несомненно, останется в нашей памяти. Он проходил в чрезвычайное время для человечества: пандемия COVID-19 пронеслась по планете, разрушая экономики и отнимая у стран десятки тысяч человеческих жизней.

Именно в эти дни мы собрались писать и обучаться творчеству. Мы – это горстка начинающих писателей из России и Беларуси, где коронавирус как раз активно развернул «военные действия». Карантин, самоизоляция, социальное дистанцирование – понятия вошли в повседневную жизнь, но не стали преградой для переключки творческих душ.

Несмотря на опустошающее шествие вируса, солнышко все так же всходит каждое утро. Деревья под окнами все так же наряжаются в нежно-зеленые одеяния, а черемуха и сирень вот-вот подарят непередаваемые запахи весны. И птицы не перестали ежедневно оглашать округу звонкими трелями и чириканьем.

Вслед за мудрой природой мы тоже стремимся сохранять важнейшее ощущение, что жизнь продолжается: мы пишем. Потому что в писательстве черпаем ресурсы, оно же дает возможность подарить плоды наших усилий другим людям. И эту книгу рассказов «Седьмая жизнь» вполне можно считать подарком читателям, а также нашим ответом пандемии и насущным проблемам.

Если ты, дорогой читатель, как и мы, считаешь, что чрезвычайные ситуации – не повод паниковать и ожидать худшего, если, как и мы, со страхами и неизвестностью борешься с помощью позитива и творчества, значит, у нас много общего. Это повышает вероятность, что созданные нами герои придутся тебе по душе, а сюжеты окажутся понятными и близкими. Приятного чтения!

Авторы

Под покровительством магической семерки

Седьмой поток тренинга «Три рассказа за 30 дней», седьмая группа и семь участников в ней. Не мудрено, что во время занятий и встреч мы заговорили о цифре, которая сопровождала курс.

В том, что она необычная, легко убедиться, если вспомнить о семи днях недели, телах человека, цветах радуги, чудесах света, в музыке тоже семь нот и столько же октав, а у умников – «семь пядей во лбу». И это только в светской жизни.

В религии же семерка тем более почитаема: она употребляется в Ветхом Завете вместо слова «часто», Бог наказывает евреев в семь раз больше, чем они заслужили грехами. В Библии это число встречается в связи с семью смертными грехами, клятвенными заверениями «отмститесь всемеро», указанием семикратно в день славить Господа и рассказом о том, что «семь раз падает и поднимается праведный».

И нумерология не отстает: семерка означает мудрость, победу духовного над материальным и высший подъем.

Потому не случайно в результате мы назвали книгу «Седьмая жизнь», отправив и ее под покровительство магического числа. Для этого, когда уже все тексты были написаны и отредактированы, умницы-креативщицы Елена Сахаровская и Светлана Галыгина буквально за сутки создали одноименный рассказ. И какой интересный! Так они доказали, что месяц обучающего марафона провели с толком.

Собственно, как и остальные участницы: молчаливая трудяга Светлана Андрианова, умная перфекционистка Инна Михайловская, старательная Татьяна Крючкова, по-детски открытая Ксения Роговенко и моя неутомимая помощница Наталья Литвишко. Их не остановили различные часовые пояса и тысячи километров между Ростовом-на-Дону, Ковровом, Магнитогорском, Казанью, Могилевом и островом Сахалином. Если говорить о профессиях, то вместе собрались два библиотекаря, два учителя, психолог, экономист и сотрудник редакции газеты. Все – неутомимые фантазерки и неуемные искательницы виртуальных приключений. Плоды их труда на тренинге и составили основу книги.

О чем писали участницы? Конечно, пытались найти ответы на волнующие темы и вопросы. Можно ли в память о любимом человеке изменить свою внешность и полностью перестроить жизнь? Как найти баланс и гармонию в отношениях отцов и детей? Вправе ли человек подвергать опасности близкого?..

Всего в книгу «Седьмая жизнь» вошли 28 рассказов. Ироничные и серьезные, даже трагические, философские и с долей юмора, они будут интересны всем, кому не безразличны вечные темы любви, гармоничных отношений, добра и зла. А уж качество текстов гарантирую: не зря мы ежедневно и добросовестно над ними трудились. Как и Дарья Галыгина – над снимком обложки, а также иллюстрациями, которые украсили наши творения. Несмотря на юный возраст, Даша тонко прочувствовала истории и создала их симпатичную графическую версию.

И мне же остается вспоминать приятные моменты и открытия, каких было много на наших занятиях, а также мечтать, чтобы следующие группы тренинга составляли такие же способные и трудолюбивые участницы. А еще – желать, чтобы Звезда магов, семерка, стала и их путеводной звездой в мир большой литературы, чтобы сделала настоящими магами в мире персонажей и образов. Тогда на читательских полках книги с их фамилиями станут в ряд с изданиями классиков и самых талантливых современников.

Светлана ЛОКТЫШ,
автор и тренер курса,
член Союза писателей Беларуси

Инна МИХАЙЛОВСКАЯ

Творчество – всегда труд, преодоление себя

Когда просят рассказать о себе, я обычно не знаю, с чего начать. А если это нужно для сборника очередного курса писательского мастерства Светланы Локтыш «Три рассказа за 30 дней», то в голову и вовсе не приходит ничего, кроме «родился-учился-женился». Тем более, что этот тренинг – не первый, в котором я участвовала.

Живу на севере острова Сахалин с самого рождения, но назвать себя коренной сахалинкой все же не могу: мои родители попали сюда в годы советской власти, когда для освоения островного края нужны были специалисты и рабочие руки. В детские годы меня многое увлекало, и одним из увлечений стала любовь к книгам, которые я научилась читать еще до школы. Позже, в юности, появилось и желание писать самой.

Вдохновение создавать литературные произведения есть, но знаете, что? Этого недостаточно, если хотим написать историю так, чтобы она оказалась интересна не только автору!

Курс, в котором я участвовала, показал, что творчество – всегда труд, преодоление себя, лени, несобранности и многих черт характера, мешающих творческому процессу. Рассказ «Дважды в реку», представленный в сборнике вашему вниманию, – пример преодоления этих качеств.

Насколько мне удалось сделать свою идею живой и интересной, судить, конечно, тебе, дорогой читатель.

Пообщаться больше можем на моей страничке во [ВКонтакте](#).

Дважды в реку

Звонка Илона не слышала. И сразу поняла, что проспала, едва увидела стрелку будильника возле цифры «восемь». На сей раз привычка машинально нажимать кнопку и спать дальше одержала верх над попытками перебороть эту манеру.

«Пятница – второй понедельник, только в конце недели», – думала Илона, ловко подкрашивая губы и одновременно поправляя короткие каштановые прядки. Если повезет, можно успеть на чем-нибудь уехать: сноровка собираться отточена до автоматизма.

Илона обожала поспать. Иногда она пыталась пересилить себя, но лишь потому, что эта страсть мешала жить правильно – ложиться до полуночи и вставать с первыми петухами. Однако биоритмы Лоны шли вразрез с научной концепцией. Поспать же любила потому, что фантастически вкусные сновидения уносили ее в другую реальность и заставляли забыть, что нужно вставать на работу или делать важные утренние дела. Иногда ночные грезы даже были связаны с реальной жизнью, и становилось непонятно, сон это или явь.

Сны приходили разные. Один из них долго преследовал последние пять лет, повторяясь пару раз в год: в нем бывший супруг предлагал начать семейную жизнь без ссор и упреков. Менялись декорации и времена, не менялось одно – герои и суть, заставляющая переживать сюжет снова и снова. Иногда Лоне казалось, что этот сон из разряда вещей. Но сколько ни пыталась посмотреть, что он значит, сонники толком ничего не объясняли.

Илона захлопнула дверь и выскочила на улицу. Подбежав к остановке, увидела лишь заднее окно отходящего автобуса, который выручал ее в таких случаях.

– Опять опоздала? – неожиданно раздался над ухом ироничный голос.

Не веря своим ушам, она оглянулась. Позади стоял Виктор, бывший муж. А этот момент напоминал сюжет того самого сна.

– И что мне теперь делать? Схлопочу штраф, – расстроено сказала Илона, готовая в голос расплакаться.

Виктор вскинул руку, перед ними остановилось такси. Открывая дверцу, он втиснул ее в салон и сел рядом.

– Куда ехать?

– Все туда же, – тихо ответила она.

– Институт на Комарова, и побыстрее, – скомандовал он таксисту и повернулся к бывшей жене. – А ты что, все там же работаешь?

– Да. И меня это устраивает.

До места доехали быстро, даже осталось время перекинуться парой слов. Виктор придержал дверь, дожидаясь, пока Лона выйдет из машины.

– Спасибо, Вить, тебя мне сам бог послал, – сконфуженно пробормотала она: всегда удивляла способность бывшего выкручиваться из любых ситуаций.

– Да не за что, обращайся, – небрежно ответил он, не собираясь уходить. Их взгляды встретились, и женщина кокетливо улыбнулась.

– Теперь я твоя должница, с меня пирог с чаем.

– Идет, – засмеялся Виктор, – я еще помню вкус твоих шанежек. Когда будем пробовать?

– Да хоть сегодня после работы, – в тон ему ответила Илона, и вошла в прохладный холл института...

Доставая из духовки яблочный пирог, она прислушивалась к звукам у двери, но все равно звонок прозвучал неожиданно. На пороге стоял Виктор с «Рафаэлло» и бутылкой Абрау Дюрсо.

Они расположились в небольшой кухне, и аромат вина, любимых сладостей воскресил в памяти моменты беспечной молодости. Тогда они просто любили друг друга, особо не задумываясь о бытовых мелочах.

А сейчас в гостиной ностальгически пел саксофон, и воспоминания бывших супругов были только о хорошем. Виктор взял жену за руку, приглашая на медленный танец.

– Я всегда думал о тебе, – прошептал он, крепче прижимая к себе, – и всегда знал, что встретимся опять.

– А как же твоя супруга? – удивилась бывшая жена.

– Первая жена всегда остается первой, – ответил мужчина. – Да и разошлись мы давно к тому же.

– И она, конечно, оказалась стервой...

– Это теперь уже не важно, – он настойчиво искал в темноте ее губы.

Утром Илона уехала за город к маме, взбудораженная бессонной ночью. В записке на кухне она просила Виктора приготовить что-нибудь на ужин. Но вечером ее ждал неприятный сюрприз – ужина не было. Не оказалось в доме и мужчины – он вернулся после вечерних новостей, с легким пивным душком.

– Мы с Димоном посидели немножко... Прости, что ничего не сварганил на ужин, – оправдывался Виктор. – Зато он берет меня к себе в бригаду. Ты же хочешь, чтобы я был добытчиком?

– Точно берет? – засомневалась Илона.

– Куда он денется, электрики везде нужны!

Она не возражала, потому что уже не помнила, когда в последний раз чувствовала себя слабой. Жизнь с чистого листа только начиналась, и омрачать ее семейными дрызгами не хотелось.

Так и стали они снова жить вместе. Илона работала в конструкторском бюро, ставшем родным за последний десяток лет, а Виктор устроился электриком в домоуправление. Нередко он приходил домой пораньше и, лежа на диване, щелкал пультом телевизора в ожидании жены.

– Живут же люди, – завистливо вздыхал, когда на экране мелькали яркие огни мегаполисов, – давай уедем из этого захолустья!

– Куда? И кто нас там ждет? – пожимала плечами Лона. Ей не хотелось бросать маму, друзей и любимую работу ради непонятных приключений. – Где и на что мы будем там жить? Ведь нужно жилье и деньги хотя бы на первое время.

– Деньги достанем, – однажды самоуверенно заявил муж, – да хоть дом твоей матери продадим.

– С ума сошел?! Как это «продадим»? А маму куда?

– В твоей двушке поселим. Что ей, много надо? Мы еще молоды, а теща уже пожилая.

– Это ее квартира и есть, забыл, что она мне ее подарила? – возмутилась Илона.

– Тем более, даже одной проблемой меньше, – пожал плечами Виктор, не отводя взгляда от плазменной панели.

Мамин дом с садом и огородом стал не только уютным гнездышком для Илоны, но и хорошим подспорьем для хозяйственной пенсионерки. В свои шестьдесят с небольшим Людмила Павловна была довольно энергичной дамой и легко управлялась с огородом, чьи плоды приносили неплохой доход на местном рынке. Нет, никогда мама не согласится продать участок-кормилец, а у дочери не повернется язык ей это предложить.

– Другие родители помогают детям, – не унимался муж. – Поговори с мамулей, или давай я сам с ней поговорю.

Итог этих переговоров Илона могла хорошо представить. Людмила Павловна недолюбливала зятя за самоуверенность и легкое отношение к жизни. И после того, как дочь сошлась с ним, отнеслась к этому скептически.

– Дело, конечно, твое, Лоночка, но ты наступаешь на те же грабли.

– Но почему, мам? Бывают же случаи, люди сходятся и живут после развода.

– Да твой красавец никогда не переменится, вот увидишь еще.

Нет, нельзя допустить даже намека на разговор, тем более сейчас, когда не за горами мамин юбилей...

В тот сентябрьский день было тепло, лишь свежий ветерок напоминал, что лето позади. И настроение было таким же светлым и радостным. До пригорода Лона обычно добиралась на автобусе. Но в этот раз Виктор настоял ехать только на такси: ведь в руках были подарок и цветы, а на жене – вечернее платье.

Вот и дом, нарядная именинница обняла гостей у порога. Старший брат немного удивился приезду Лоны с бывшим, но, увидев счастливое лицо сестры, вопросов задавать не стал. За столом зять развлекал компанию анекдотами и тостами, которые сыпались из него один за другим. Наблюдая за его выкрутасами, Илона не могла отделаться от смутного предчувствия: раньше в гостях у тещи он не был таким веселым, галантным. И женская интуиция ее не подвела.

– Ой, чуть не забыла, у меня же утка почти готова! – спохватилась мама, когда закуски и салаты были распробованы, а разговоры плавно перешли на житейские темы.

К ее удивлению, зять предложил помочь вытащить горячий противень из духовки. И вот ароматная утка с яблоками торжественно водрузилась на стол, а Виктор поднял рюмку коньяка за любимую тещу.

– Давайте выпьем за отменную кулинарку и хозяйку, Людмилу Павловну! Жаль, что не скоро мы увидимся снова.

– Почему же не скоро? Я вам всегда искренне рада, приезжайте хоть каждый день, – не поняла намека виновница праздника.

– Вам, наверное, Лона еще не успела сказать... в общем, мы решили переехать жить в другой город, – решился, наконец, Виктор на разговор.

– Мама, он шутит, никуда мы не едем, – Илона попыталась спасти положение, видя растерянное мамино лицо. – Еще ничего не решено, не слушай его!

– Подождите, как это «переедем»? – хозяйка опустила бокал с шампанским на стол. – А на что жить там, и на какие деньги будете покупать жилье? Ведь у тебя, доченька, и сбережений-то нет...

– А вы, мама, разве нам не поможете? – Виктор кашлянул, изображая смущение. – Вон у вас дом какой, загляденье! За него можно неплохие деньги выручить.

– Чего-о-о?

Людмила Павловна растерялась окончательно и, расстроенная, чуть не села мимо стула. В наступившей тишине часы пробили восемь раз.

– Все, Витя, мы уезжаем! – сказала Илона, и, решительно взяв мужа под руку, подтолкнула его к двери. Перед ней она повернулась к маме и брату. – Нам действительно пора, извините, если что не так, я вызову такси.

Дорога домой прошла в молчании. Илона не хотела выяснять отношения при посторонних, а Виктор прокручивал в уме события дня. Итог беседы с тещей его не устраивал, да и разве можно назвать это результатом? «Дурак, – мысленно ругал он себя, – надо было потолковать наедине, вдруг бы и согласилась...»

– Что это было? – спросила Илона, едва они вошли в квартиру. – Почему ты решаешь за двоих, а со мной даже не советуешься?

– Я сам знаю, что для нас хорошо, а что плохо. Или я здесь не хозяин? – Виктор раздраженно закурил и с силой выпустил струю дыма в потолок.

– А я считала, что в семье решают оба, а не кто-то один, – начала Лона.

Но муж перебил ее.

– Мало ли, что ты считаешь. Может, ты еще думаешь, что лучше этой дыры и места нет? – усмехнулся он.

– То, что ты называешь дырой, – мой родной город, да и твой тоже, – она была готова расплакаться. – С каких пор он перестал тебе нравиться? Ты здесь родился, вырос, похоронил родителей... Как ты изменился, Витя, и почему я этого не замечала раньше?

– Да что тут делать?! Здесь даже пойти некуда, работа-дом, день сурка с утра до вечера! Ну, ничего, мы все равно уедем, я добьюсь своего!

– Нет, – твердо произнесла Илона. – Я никуда с тобой не поеду.

– Поедешь, – он крепко схватил ее за плечи. Его взгляд стал холодным, в голосе появились жесткие нотки. – Никуда не денешься. Я не собираюсь прозябать в этой деревне. Здесь даже ночного клуба нет!

– С классными телками? – ехидно уточнила Илона.

– Да хотя бы и так! – огрызнулся Виктор. Сообразив, что ляпнул не то, сначала смутился, а после разозлился: – А ты так и не научилась жить по-людски. И не научишься, овца, – процедил он и оттолкнул жену так, что та потеряла равновесие и упала.

– Ты остался таким же. И почему я поверила, что ты стал лучше? – ошарашенно, словно рассуждая сама с собой, проговорила она. – Уезжай. Я соберу тебе вещи.

Утром, глядя из окна на бывшего мужа в отъезжающей маршрутке, Илона думала: «Права была мама, в одну реку дважды не ходят».

Больше они не встречались, даже во снах.

Светлана ГАЛЫГИНА Поделиться радостью и болью

Друзья называют меня вечным двигателем. Семинары, лекции, марафоны, встречи насыщают мою жизнь вдохновением. Дети и внуки наполняют ее смыслом.

По профессии я психолог с многолетним опытом. Люди доверяют мне свои переживания. Где бы ни очутилась – в купе поезда дальнего следования, на автобусной остановке, за столиком в кафе – найдется тот, кому непременно захочется разделить со мной радость или боль.

Сейчас историй накопилось множество. Долго не решалась поделиться ими с читателями. Не давал покоя моральный аспект: имею ли право рассказывать о чем-то личном? Но окружающие часто сами просят поведать поучительные сюжеты, чтобы предостеречь себя от ошибок либо посмотреть со стороны на волнующие проблемы.

Герои моих рассказов – обычные люди: подростки, столкнувшиеся со внутренней пустотой; неопытные молодые родители, попавшие в курьезную ситуацию; одинокие женщины, которые мечтают о счастье; мужья и жены, запутавшиеся в отношениях. Словом, те, кто хочет наполнить жизнь новыми смыслами.

Заходите на страничку в Инстаграм [@svetlsna_psiholog_](https://www.instagram.com/svetlsna_psiholog_), поговорим о важном для вас.

Я же мать

Красивая мелодия наполнила комнату, пробуждая кошку, мужа, сына – всех, кроме меня. Я проснулась от внушительного толчка в бок и слов: «Катя, ты че, глухая? Будильник звенит, скоро мать приедет». Пришлось быстро вскакивать с кровати, бежать в ванную и наспех готовить завтрак.

Сегодня у меня праздник – мама отпустила в кино. Господи, три месяца мечтала об этом. Казалось, я в рабстве у новорожденного сына. Он постоянно требовал внимания: корми, пеленай, купай, играй... Я давно забыла о желаниях, хронически не досыпала и день за днем боялась совершить очередную материнскую ошибку.

Каждая встреча с мамой или патронажной сестрой начиналась со слов: «Кто ж так делает?!» Далее следовал мастер-класс «как надо». У меня давно закончились силы, чтобы сопротивляться двойному натиску, я просто молча признавала промахи. И теперь, перед приходом мамуси, судорожно собирала пеленки, разбросанные по комнате, протирала дезинфицирующим раствором пеленальный стол и полочку с игрушками. Вадим лежал на диване и отвлекал Костику.

– Хватит мельтешить, сядь отдохни, ты ж не эпидемстанцию ждешь, всего лишь мать, – пытался остановить муж.

– Ты же знаешь, если что-то пойдет не так, она не останется. Плакал тогда день свободы и независимости.

Не успела я договорить, как на пороге появилась запыхавшаяся мама.

– Здравствуйте, мои дорогие! Где наш колобочек?

Она улыбнулась Костику, бросила взгляд на Вадима и чмокнула меня в щеку. Вымыв руки в ванной, вскользь осмотрела комнату на предмет «к чему бы придраться», перевела взгляд на внука и смягчилась:

– Катюша, показывай все необходимое.

– Мамусь, пеленки и подгузники сложила на пеленальный столик, водичку поставила на полку, там же игрушки, – с ожиданием неизбежного прокола говорила я.

– А где пукательная водичка? – спросила мама.

– Блин, вчера закончилась, не успели купить. Вадик, умоляю, сбегай в аптеку. В ближайшую, это не дефицитное лекарство, думаю, проблем не будет.

Вадик нехотя оделся и ушел. Я носилась по квартире, пытаюсь собраться. После родов немного набрала в весе, поэтому с вещами было туговато. Купить что-то новое пока не удалось. В результате напялила какой-то балахон. Надо бы найти еще сумочку, но не успела. В дверь ворвался Вадик с перекошенным от злости лицом.

– Купил? – осторожно спросила я.

– Купил! – проорал он. – Вы знали, что эта вода называется укропной?!

– Конечно. Это на бутылочке написано, – спокойно сказала мама.

– Тогда какого черта вы зовете ее пукательной? – злобно шипел Вадик.

– Это потому, что она препятствует газообразованию, – не меняя тона, уточнила мама.

– Препятствует, а не способствует! Где логика? – пытался добиться справедливости муж.

– А ты, зятек, не удосужился за три месяца на флакончике прочитать?

– Надо мной вся аптека ржала, – скорбно заключил он.

Я живо представила эту картину и, боясь засмеяться в голос, потащила Вадика к выходу.

– Пока, мамусь, скоро будем. Фильм идет часа два, плюс дорога.

Мы быстро добежали до остановки, уселись в первую подъехавшую маршрутку и молча докатили до кинотеатра. Всю дорогу я мысленно разговаривала с мужем: «Какой ты у меня

недотепа, не можешь выполнить элементарное поручение без загвоздок. Перед мамой стыдно, подумает, что дочь вышла замуж за дебила. Впрочем, она так и думает».

Размышления прервал вопрос мужа:

– Что смотреть будем?

– Выбирай ты, – надо же дать ему хоть какой-то бонус за недавний конфуз.

– Тогда про викингов, – предложил Вадик.

– Пойдем.

Купили билеты, взяли по чашке кофе и расположились в шикарных мягких креслах VIP-зала. Народу было немного, все-таки утренний сеанс, рядом никто не чавкал попкорном или чипсами, все чинно и благородно. Начался фильм, и мы замерли в предвкушении.

– Женщина, женщина, – настойчиво прошептал кто-то в ухо, – скажите соседу, чтобы не храпел, ничего не слышно.

Я открыла глаза и поняла, что нахожусь не дома. Муж храпел рядом. На экране огромный викинг ел кусок сырого мяса. По его губам и бороде стекали струйки густой крови, он стирал их рукавом и продолжать рвать зубами дичь.

– Вадик, проснись, – толкнула его изо всех сил, – посмотри на экран, меня сейчас вывернет.

Муж перестал похрапывать, открыл глаза и оживился:

– Наконец-то, движняк пошел, – восторженно сказал он.

– Какой движняк! Это отвратительно. Сюжет для людей с нездоровой психикой.

– Катя, ты про сюжет лучше молчи, отрубилась на первой минуте. Спи дальше. Дай мне досмотреть, – безапелляционно заявил Вадик.

На экране викинг, насытившись, угощал сына. «Ну, все, – подумала я, – спать, так спать».

По дороге домой муж увлеченно рассказывал содержание фильма, а я ощущала себя самым несчастным человеком в мире. Первый раз за три месяца материнского марафона удалось попасть в кино – и такой провальный итог. Довольная рожа викинга не шла из моей головы.

– Как сходили? – спросила мама, едва мы переступили порог.

– Отлично, – ответил Вадик.

– Так себе.

Мамуся осуждающе посмотрела на Вадима.

– Ну, все. Пора домой, – сказала она и стала собирать вещи.

– Как Костик? – поинтересовалась я.

– Прекрасно, за время вашего отсутствия ни разу не проснулся. Успела навести порядок в шкафу. Собрала пакет ненужных вещей. Отнесите на помойку, – сказала мама и двинулась к выходу.

– Вера Ивановна, может, останетесь до утра? – пошел ва-банк муж.

– О-па, а как же «мы будем жить отдельно, вы ущемляете нашу свободу»?

– Отрекаюсь от своих слов, – еще раз попытался уговорить Вадим.

– Нет, не останусь. Отца надо покормить, белье погладить. В другой раз, – сказала мама и удалилась.

Костик проснулся и заплакал, требуя еды. Покормила его и немного успокоилась. Пухлые румяные щеки действовали на меня как бальзам.

Остаток дня мы провели в домашних хлопотах. За ужином обсудили планы на завтра, потом искупали малыша и легли спать. Я подумала: «Хоть поход в кино и не удался, зато художественно получилось провести немного времени вместе. Сейчас это было достижением. Сплю».

Ночью ребенок проснулся. Взяла его к себе в кровать, чтобы не сидеть рядом с люлькой. Отопление уже отключили, и в квартире было прохладно. Костик ел, интенсивно причмокивая, и без конца ерзал. Когда он притих, я встала, чтобы переложить его в коечку, и обомлела.

– Вадик, вставай, – толкнула мужа, – с малышом беда.

– Что случилось?

– Посмотри, у него все губы в крови и срыгнул чем-то черным.

Вадим стал осматривать Костика.

– Посвети телефоном, так не видно, – прорыдала я.

– Ты че, мать? Совсем свихнулась? Свет включи.

Он взял малыша, недовольного ярким освещением, вытер ему губы салфеткой и пробормотал:

– Покажи грудь.

– Вадик, ты в своем уме? Какие эротические игры, когда тут такое? – заливаясь слезами, пробубнила я.

– Катя, кто из нас неадекватный, это еще вопрос. Покажи грудь, – скомандовал он.

Я опустила глаза и увидела кровавый круг на ночной сорочке.

– Дошло? – прошипел Вадик. – Эротические игры, блин. Сосок у тебя треснул.

Муж нежно посмотрел на засыпающего Костика и гордо добавил:

– Викинга воспитывать будем. Крови он уже вкусил.

«Точно дебил», – подумала я.

Утро следующего дня провела в злобном пыхтении на мужа. Сначала он забрызгал зеркало в ванной, потом опрокинул чашку с кофе и, в заключение, надел на Костика ползунки задом наперед. Последнее из случившегося привело меня в ярость.

– Вадик, у тебя глаза есть?!

– Есть.

– Так пользуйся ими! Ты бы еще на голову ему ползунки напялил!

– Чего ты все утро на меня орешь? – спросил муж.

– А как не орать-то? Ты не думаешь обо мне. Я устала за вами постоянно что-то убирать, мыть, переделывать!

– Катя, я думаю о работе. У меня доклад на совещании. И, кстати, могу вернуть тебе претензии обратно. После рождения Костика ты вообще не обращаешь на меня внимания и постоянно придираешься, – рявкнул в ответ муж.

Он быстро собрался и вышел. Потом вернулся, взял ключи от машины и снова вышел.

Я сидела на кухне и причитала: «За что мне такое досталось. У подружки муж как муж, а у меня недоразумение ходячее. Хоть разводись. Никакой помощи, работа, видите ли, у него на первом месте».

Заплакавший Костик усилил мою печаль. Я подошла к сыну и взяла его на руки. Малыш сильно чихнул, из носа вылетела зеленая, как моя тоска, сопля. «Заболел!» – только этого мне не хватало.

– Мама, хэлп, у Костика нос заложен, – уже через минуту консультировалась я с главным семейным специалистом по соплям.

– У тебя остался гусиный жир, который я давала, когда ты кашляла?

– Да, где-то есть.

– Возьми немного, растопи его и аккуратненько втирай в переносицу, так быстрее пройдет, – посоветовала мама.

В закоулке холодильника нашла гусиный жир и расплавила кусочек. Покормив Костика, решила совместить приятное с полезным. По телеку шел популярный сериал, который активно обсуждали в СМИ, я прилегла на диван в надежде посмотреть хоть одну серию. Взяла миску с жижей и, поглядывая на экран, стала втирать ее в кожу малышу. Через полчаса фильм закончился, и я с ужасом обнаружила, что жир с переносицы стек на глаза Костика и застыл намертво. Единственное, что хотелось сделать в этой ситуации, – застрелиться.

Я в панике носилась по квартире и пыталась исправить положение, пока малыш тихо спал на диване. «Может, позвонить маме? – пришла в голову гениальная идея. – Нет! Она сгноит меня в аду, даже не будет выяснять подробности. Что же делать?»

– Вадик, малыш в опасности, приезжай, – выпалила я и отбила звонок.

Через двадцать минут Вадим, как ветер, ворвался в дом.

– Что случилось? – пробасил он, пытаясь отдышаться.

– Понимаешь, – всхлипывая, начала я, – мама посоветовала втирать жир Костику в переносицу. Все застыло, и теперь он не сможет открыть глаза, – я разразилась громкими рыданиями.

– Что ты успела предпринять? – осматривая малыша, спросил немного успокоившийся муж.

– Ковыряла ногтем, но побоялась поранить глаз.

– А что-то более умное? – съязвил Вадим.

– Хотела подержать его над газовой горелкой, чтобы жир растаял, но подумала, вдруг одежда загорится.

Вадик выпучил на меня глаза и возмущенно гаркнул:

– Ну, ты, Катя, и дура.

Я разревелась еще больше. Через какое-то время слезы, наконец, тронули его. Муж подошел ко мне и обнял. Я почувствовала себя защищенной и перестала рыдать:

– Что делать-то будем?

– Надо отдать должное твоей сообразительности, – продолжал ехидничать Вадим, – жир действительно можно растопить. Неси ватные диски и очень теплую воду, – командовал он.

Вадик стал аккуратно удалять жирную пленку с глаз малыша. Наблюдая за его уверенными движениями, я подумала: «Все-таки мы – отличная пара».

Женькины шнурки

Когда Женька с мамой подъезжали к вокзалу, поезд уже стоял у перрона. Мама наскоро завязывала сыну шнурки на кроссовках и давала указания. Он дожевывал бутерброд и с завистью глазел в окно автомобиля на мальчишек, катающихся на великах. Как бы Женьке хотелось все бросить и, тоже беззаботно гонять по дворам, пугая прохожих велосипедным звонком.

– Женечка, бери сумку и беги на досмотр, – сказала мама.

– Хорошо, – нехотя ответил он.

«Опоздать бы на этот дурацкий поезд», – думал Женька, двигаясь к вокзалу. Ему не хотелось почти сутки тащиться в душном вагоне, долго заселяться в гостиницу, а после участвовать в бесконечных тренировках. Благо, сборы были короткими.

– Сынок, я забыла положить тебе обувь на липучках, придется справляться со шнурками, – виновато сказала мать.

Женька тяжело вздохнул. Она продолжала что-то говорить, но мальчик уже не слушал. Он заранее знал, что его ждет.

За две минуты до отправления состава они подбежали к вагону. Тренер, ожидавший детей, болтал с проводницей. При виде воспитанника состроил кислую мину, поздоровался и вместе с Женькой и его мамой вошел в вагон. Она помогла закинуть вещи под нижнюю полку, чмокнула Женьку в щеку и ушла.

– А че с нами в этот раз не поехала? – спросил Виктор Иванович у Жени.

– Не может, деда в больницу положили, – ответил мальчик.

– Тяжело тебе будет одному от ребят отбиваться, – предостерег тренер.

– Попробую как-нибудь, – неуверенно сказал Женька.

Всю дорогу до места назначения он валялся на верхней полке и делал вид, что спит. Ребята несколько раз с подачи Виктора Ивановича звали его в соседнее купе, играть в мафию, но мальчик не соглашался. Наконец, поезд прибыл на станцию. Шумная ватага вывалила из вагона и рванула к ожидавшему автобусу.

В комнатах отеля жили по двое. На этот раз Женьке в соседи достался Сеня Копылов, сын папиного друга. Это была вторая досадная новость после шнурков. Не то чтобы мальчики были неприятны друг другу, но Женя догадывался – Сеню поселили по просьбе матери, а это лишний повод для издевок.

После короткого отдыха планировалась тренировка, и ребята собрались в раздевалке.

– Жека, а ты чего без матери приперся? Не боишься? Может, Сеня тебе за мамку сойдет? – глумились над ним пацаны.

– Не ваше дело, – огрызнулся он.

Мальчишки быстро переоделись и построились в зале. Команда ждала Женьку, который никак не мог справиться со шнурками. В его четырнадцать лет эту проблему решала мать. Пальцы не слушались, и вместо бантиков получались узлы. Наконец, Женя бросил кроссовки в сумку и вышел в зал босиком. Ребята переглядывались и злобно хихикали. Команде было наплевать, что левше завязать шнурки сложнее, чем гроссмейстеру решить многоходовку.

– Все в сборе, начинаем тренировку! Побежали! – крикнул Виктор Иванович.

И ребята понеслись.

После двух часов активной физической нагрузки Женькины ноги были разбиты в кровь.

– Так не пойдет, Женя, – сказал тренер, – попроси кого-то из ребят, чтобы тебе помогли. Иначе вернешься домой без ног.

– Хорошо, – ответил он и поплелся в номер отдыхать.

– Жека, на улицу пойдешь? Пацаны зовут, – сказал Сеня.

– Не пойду, – буркнул тот, отворачиваясь к стене.

– Ты не можешь не пойти.

– Кто мне запретит?

– Они тебя изобьют.

– Виктор Иванович не позволит, – возразил Женька.

– Твой Виктор Иванович клеит администраторшу, ему ваше пофиг, что у нас происходит.

Это ты все время с матерью ездешь, а мне приходится выживать, – с горестью сказал Сеня.

– Ладно, только кроссовки поможешь завязать, – согласился Женька.

Мальчишки ждали ребят в холле отеля. Ватага, тайком от тренера, двинулась в сторону железной дороги. Платон, по кличке Плата, самый старший из всех, заявил:

– Правила прежние: либо вы перебегаете пути перед поездом, либо откупаетесь кругленькой суммой. Вопросы есть?

– Есть, – сказал, набравшись смелости, Женька. – Насколько круглая сумма?

– Пять тысяч, – спокойно ответил Плата.

Таких денег у Женьки не было. Пока он раздумывал, как поступить, послышался гудок локомотива.

– Готовность! – произнес Платон. – У вас есть пара минут. Кто не бежит, отдает мне деньги.

Восемь человек выстроились вдоль дороги в ожидании поезда. Плата стоял немного поодаль и наблюдал. Жека чуть помедлил и встал рядом с остальными.

Мощный гул тепловоза раздался совсем близко, послышался рокот колес, и ребята побежали. Яркая полоска света ослепила Женьку, сердце его забило так сильно, что стуком перекрывало все звуки в пространстве. Зажмурившись, он рванул за остальными. Поезд с диким свистом пролетел мимо ребят.

– Все живы? – засмеялся Платон.

Ребята молча собрались у насыпи в ожидании дальнейших указаний. Женька дохромал до остальных. Болела подвернутая нога, да и утренняя тренировка сказалась.

– Сейчас расходимся, – объявил Плата, – завтра – по той же схеме.

Утром Жекина нога распухла до размеров баобаба.

– До конца сборов остаешься в номере, – сказал тренер, когда они вернулись из травмпункта.

Женька лежал на кровати и смотрел телевизор, когда в комнату ввалилась почти вся команда.

– Ну, что, инвалид? Идешь или не идешь сегодня с нами? – спросил Платон.

– Не могу, – ответил мальчик.

– Тогда придется откупаться, – безапелляционно заявил предводитель.

– У меня нет денег, – пытался возразить Женька.

– Приедешь домой, найдешь, – сказал Плата и быстро вышел.

Несколько ребят накинули на Жеку одеяло и стали бить руками и ногами куда попало. Сгруппировавшись, он ждал конца побоев.

Когда все закончилось, в номере оставался только Сеня. Он плакал, сидя на своей кровати.

– Тебе тоже досталось? – спросил, всхлипывая, Женька.

– Нет, тебя жалко, – ответил Семен. Он подошел к другу, помог подняться и поправить постель. Потом посмотрел на часы и убежал на тренировку.

Через два дня сборы закончились. На вокзале Жеку встречал отец. Он быстро погрузил вещи, перекинулся парой фраз с Виктором Ивановичем, нахмурился и сел в машину.

– Евгений, сегодня Сашу встречаем из армии. Приехала Вера, его девушка, если ты помнишь. Мама с ней хлопочет по дому, накрывает на стол. Как твоя нога? – наконец спросил папа.

– Уже нормально, – сдержанно ответил сын. Он снова смотрел в окно на пацанов на великах и завидовал им.

Машина подъехала к дому, мама выскочила на улицу встречать Женьку, крепко обняла и спросила:

– Как шнурки? Справился?

– Выбросил, – ответил Жека.

– Ну, и ладно, – махнула рукой мама.

Женька отирался по кухне в поисках перекуса, выклянчивая у Веры какую-нибудь вкуснятину. Вошел отец.

– Никто не видел, в вазочке лежали деньги, пять тысяч? – спросил он.

– Нет, – ответили все, в том числе и Женя.

– Может, ты их уже забирал? – предположила мама.

– Я не брал, – раздраженно сказал отец, – с утра положил специально, чтобы не забыть.

Он обвел окружающих пронизывающим взглядом и остановился на Женьке.

– Ты взял? – спросил он так, что у сына похолодела кровь в жилах.

– Я, – сжавшись в комок, пролепетал мальчик.

– Зачем? – ледяным тоном произнес отец.

– Просто, – еле выдавил из себя Женя.

Стало тихо, будто вокруг вымерло все живое. Вера и мама оцепенели. Отец хладнокровно вытащил из бумажника пятитысячную купюру и протянул сыну:

– Ешь!

– Папочка, родненький, не надо, – ревел Женька.

В такие моменты отец никогда не повышал голос, не срывался на мат, не бил – он унижал «интеллигентно».

– Ешь, я сказал, – повторил так убедительно, что Женька начал жевать купюру.

– Леша, она же грязная, он заболеет, – попыталась вступить мать.

Отец глянул так, что она замолчала и, втянув голову в плечи, тихо заплакала, прикрывая лицо ладонями. Мальчик понял, что помощи ждать неоткуда. Он давился слезами и жевал деньги.

– Садист, – тихо прошептала Вера.

У Женьки внезапно подкосились ноги, и он упал.

– Доктор, что с ним? – сквозь сон услышал Женя голос отца.

– Множественные гематомы от побоев и нервный срыв, – ответил доктор.

– Интересно, откуда? Я его не бил, – удивленно оправдывался отец.

– Спросим, когда придет в себя, – пояснил врач.

– Это-то понятно. А тренироваться он сможет?

Женька застонал.

Подайте, Христа ради

Клава ходила по съемной квартире. «Как во дворце», – восторженно думала она. – Это не коморка в коммуналке: три роскошных комнаты против одной убогой». Обстановка была шикарная: кухня из карельской березы с новой встроенной техникой; ванная комната с отделкой из серо-голубого мрамора; в просторной спальне кровать с балдахином на восточный манер, гостиная с мягкой кожаной мебелью.

– Славик, сколько ты за это отвалил? – спросила Клава ухажера, с которым была знакома пару месяцев, но собиралась жить долго и счастливо.

– Нормально так отвалил. То ли еще будет, – пропел Вячеслав, важно вышагивая по комнатам. Ему тоже нравилась обстановка.

Наконец, они остановили обзорную экскурсию в кухне.

– Жрать охота. Можешь что-нибудь приготовить? – с надеждой спросил Славик.

– Я устала, – соврала Клава. Она не знала, как пользоваться этим многообразием кухонных помощников, однако не хотелось сразу потерять его расположение, – Может, закажем? Не хочется прерывать праздник стряпней.

– Хорошо. Могу себе позволить.

Пока Славик звонил и заказывал еду, Клава подошла к огромному окну и выглянула на улицу. Весна. Во дворе гуляли дети с мамами. Девочка вела за руку сестричку. У Клавы тоже когда-то была сестра, но не долго. На похороны деньги собирали всем подъездом. Мать, чтобы справиться по ней поминки, отрезала Клаве косу и продала.

Девушка тяжело вздохнула, прикрыла окно. Поуютнее устроилась в мягком кресле в гостиной и сомкнула глаза. Почти такое же, только обшарпанное и прогнившее, стояло у них дома. Отец с матерью притащили его с помойки, чтобы добавить солидности скудной обстановке. Когда к родителям приходили собутыльники, Клава перетаскивала кресло в угол, закутывалась в старое рваное одеяло и засыпала в нем под громкие крики и рюмочный звон.

Домофон прервал полусонное состояние девушки. Клава открыла глаза и ущипнула себя за руку, чтобы проверить, не кончилась ли сказка, в которую она случайно попала.

– Ужин привезли, вставай, Мышка! – крикнул с кухни Вячеслав.

– Иду, – ответила девушка и поплелась на зов.

На столе стояли два пакета с едой. Славик судорожно открывал бесчисленные шкафы в поисках тарелок.

– Придется жрать из пластика, – сказал он, заглядывая в последний пустой шкафчик.

– Мне не привыкать, – ответила девушка и осеклась.

У родителей почти не было посуды, ее били во время попок. В детстве каждое утро Клава слонялась по общей кухне коммуналки в надежде поесть. Соседи ее жалели, давали кто бутерброд, кто немного каши в пластиковых тарелках, чтобы родители не пропили их утварь. «Пойди займи у кого-нибудь хлеба, закусить нечем», – вечно командовала мать. Девочка просила – и ей давали: как можно отказать ребенку...

– Чего смурая? Садись, – распорядился Вячеслав, – дело обсуждать будем.

– Мы же ужинать собрались.

– Одно другому не мешает. У тебя паспорт на загранку есть?

– Откуда? – опять сболтнула лишнего Клава. – То есть... я хотела сказать, что еще не ездила в другие страны. А зачем?

– Как думаешь, чем занимается моя контора? – спросил Слава.

– Людей дурит, фуфлю им впаривает, – спокойно ответила девушка.

– Не фуфлю впаривает, а надежду на выздоровление дарит. Кто знает, может кто-то из них и на поправку идет. Про «эффект плацебо» слыхала?

– Что-то слышала, – соврала Клава.

– Осуждаешь меня? – не унимался Вячеслав.

– Ничуть. Я в жизни столько дерьма повидала, что чувства растворились, как сахар в горячем чае, – горестно ответила девушка.

– Я че-то не спрашивал, а кто ты по профессии?

– Я поступала в институт, но баллов не хватило, – попробовала выкрутиться Клава.

Она соврала. С горем пополам окончив школу, Клава пошла работать. Но нигде больше месяца не задерживалась. Слонялась по разным организациям в поисках шанса на лучшую жизнь.

Однажды в газете прочла объявление о наборе сотрудников в кол-центр и пришла на собеседование.

– Здравствуйте, барышня, – игриво приветствовал ее Вячеслав. – Как вас величать?

– Клава, – ответила девушка.

– Клава?! А что такие имена существуют в нашей реальности? Или вас не любили родители? – пошутил он.

– Не ваше дело, – обиженно прошипела девушка и собралась уходить.

– Не обижайся, Мышка, но выглядишь ты, как минимум, на Элеонору, – дразнил Славик.

Клава еще больше разозлилась, фыркнула и вышла из кабинета.

– Постой, красавица! Ты не знаешь, от чего отказываешься! – кричал ее потенциальный начальник, которому приглянулось юное создание.

– Чего надо?! – огрызнулась Клава.

– Я беру тебя на работу. Будешь сопровождать меня на деловые встречи, ну, и еще кое-что, долго объяснять. Согласна?

– Что платить будешь?

– Не бойсь, не обижу, – засмеялся Славик.

Клава вернулась в реальность, услышав звонок в дверь. Вячеслав быстро вышел, а через минуту с видом победителя возвратился в кухню с пухлым конвертом.

– Короче, ты из этих... из непоступивших, – хмыкнул он. – Вот и хорошо, сработаемся, мне беспринципные бабы нравятся.

Клава не знала, радоваться этим словам или нет, поэтому промолчала. Она уплетала пищу и какие-то салаты, названий которых раньше не слышала.

– Завтра поедем по магазинам, шмотки тебе выбирать, – по-барски бросил Славик.

– Наконец-то, – медовым голоском пропела девушка.

– Ну, ты и наглая, Клава, – заржал Вячеслав. – Но отказать тебе не могу, больно глаза у тебя жалостливые.

Половину следующего дня они прошлялись по магазинам торгового центра. Клава никогда не была так счастлива. Увешанная пакетами, она никак не могла умерить свои желания. Пока уставший кавалер не сел на скамейку:

– Все, хватит!

– Можно, я поеду домой в этом шикарном платье? – спросила девушка покровителя.

– Валяй. Переодевайся и выходи к церкви. Я помою машину и подъеду, жди там, – ответил Славик.

Он забрал пакеты и ушел. Клава быстро облачилась в новый наряд в ближайшем туалете. Старые вещи без сожаления выбросила в мусорную корзину и отправилась коротать время в ожидании благодетеля.

Девушка стояла у входа в храм в роскошном черном кожаном платье до пят. Его дороговизна не вызвала сомнений у окружающих. Вырез, эффектно подчеркивающий красоту груди, металлические пуговицы, инкрустированные стразами, и широкий пояс, облегающий талию, – все это делало Клаву необыкновенно помпезной. Для прихожанки такой наряд был слишком провокационным, но люди, проходившие мимо, реагировали на нее спокойно – кого здесь только ни встретишь.

Клава рассеянно разглядывала фотографии в новеньком дорогом телефоне, когда проходивший мимо человек протянул ей сторублевую купюру. Она подняла на него глаза и удивленно спросила:

– Это мне?

– Да, возьмите, пожалуйста, – ответил мужчина.

– Но, мне не нужно... – растерянно протянула она.

– Зачем вы тогда стоите на паперти? – в недоумении спросил он и, сунув ей в руки деньги, поспешно удалился.

«Вот те на!» – подумала девушка и засмеялась. – «Бывает же такое... Странный мужик. Может, больной!?» Не успела понять, что происходит, как супружеская пара, входившая в храм, одарила ее пятьюдесятью рублями. Клава застыла, тараща глаза: она, как магнит, притягивала людей, подающих милостыню.

«Где же Славик?» – нервничала Клава, вглядываясь вдаль и сжимая в ладонях пожертвования – чуть больше тысячи рублей. Давно она не держала в руках наличность. У нее и кошелек-то не было, теперь деньгами заведовал Вячеслав.

Пошел уже второй час ожидания. Обеспокоенная девушка названивала Вячеславу каждые десять минут, но все тщетно. Наконец, она вызвала такси и поехала на съемную квартиру. Расплатившись с водителем подачкой, вышла из машины и увидела около подъезда оцепление, несколько машин с надписями: «Следственный комитет» и «ОМОН». Вокруг стояла толпа зевак и обсуждала происходящее:

– Террориста ловят.

– Да, нет. Тогда бы ФСБ приехала. Просто мошенника.

– Ты откуда знаешь? Может, маньяка.

«Это про кого?» – тревожно подумала Клава.

– Видел, какой хлыщ в хату на третьем этаже въехал? Его ищут, – уверенно заявил мужчина.

«Он не маньяк», – с обидой подумала Клава, но вслух говорить этого не стала.

– Скажите, его поймали? – осторожно спросила она одного из праздно наблюдавших за обстановкой.

– Куды там! Дома не было. Сейчас квартиру обыскивают, ждут.

Клава раздосадованно заплакала.

– Не реви, найдут, – утешал ее мужик.

Но Клава уже не слышала. Она плелась вдоль дороги, цепляясь за бордюры подолом роскошного нового платья.

Другая Маша

На фото в выпускном альбоме среди белых, розовых, голубых костюмов Машин наряд заметно выделялся и вызывал недоумение. Серое платье было расшито серебряными черепами, костями грудной клетки, крестца и другими частями позвоночника – будто рентгеновский снимок фрагментами разошелся по наряду.

– А че в сером? – спрашивал каждый, просматривающий фотографии.

– Че надо, – отвечала с раздражением Машка. – Скажи спасибо, что не голая, а могла бы, – говорила она, поправляя зеленые локоны длинных густых волос.

Месяц назад, на вручении золотой медали, директор школы корректно спросила: «Может, не вызывать тебя на сцену? Тяжело, поди, еще». Но Маша решила не давать одноклассникам поводов для обсуждения, поднялась за аттестатом и медалью.

На душе скребли кошки. Всюду мерещился Миша. Выпускной вечер она провела в холле ресторана: веселиться за общим столом настроения не было.

Маша и Миша познакомились несколько лет назад на одной тусовке, где всех объединяло стремление изменить тело. Маша, как настоящая творческая личность, собиралась сделать пирсинг, и подружка решила познакомить ее с ребятами, увлеченными этой же темой. Те с радостью исполнили желание девушки. Не успела опомниться, как после рюмки водки ей прокололи язык старой цыганской иглой.

Машке было пятнадцать, после спиртного ее сильно развезло, продырявленный язык еле ворочался. Миша из жалости вызвался дотащить ее домой. Всю дорогу Маша стонала от боли, безуспешно пыталась что-то объяснить, а перед самым домом ее стошнило в кусты. После этого происшествия Мишка почувствовал себя героем, выручившим друга в беде. С тех пор они стали часто встречаться. Татуировки, пирсинг, шрамирование, тоннели в ушах, эксперименты с волосами – все это вызывало у обоих восторженный интерес.

Сейчас Машка уже не помнила, как выглядела пару лет назад. В сентябре они с Мишей собирались ехать в Питер, чтобы проколоть переносицу, достойные мастера были только в культурной столице. Друг сказал, что на такой поступок могут решиться исключительно смелые и неординарные люди. Он был именно таким: прекрасно учился в школе – для него это было принципиально, увлекался робототехникой и однажды даже победил в международной олимпиаде. Учителя смирились с его внешним видом – успеваемость от этого не страдала.

– Маня, а я красивый? – застав однажды Машу врасплох, выпалил он.

– Конечно, – смущенно ответила девушка.

– Что ты!? У меня уши торчат, – возбужденно сказал Мишка. Он стал хлопать себя по карманам, нашел фонарик и вручил Маше. – Включай фонарь и свети мне в ухо!

– И че?

– Видишь тонкие хрящики моих локаторов? Они стали томатно-красными, – зловеще прошипел Мишка. – Выглядит отвратительно! А я хочу нравиться девочкам.

– Я ни разу не замечала твоих локаторов, тем более в темноте.

– Правильно! А все потому, что я работал над этим. Вот слушай: сначала сделал в мочках тоннели – думал, что под их тяжестью уши станут прямее. Но это не помогло, кольца были слишком легкие. Потом решил на пирсинг хеликса, но сережка на верхушке уха оттопыривала его еще больше. И наконец, о боги, мне пришла в голову идея – сделать ухо частью композиции большой татуировки, – победоносно заключил Миша и замер в ожидании Машинной реакции.

Действительно, драконы, кусающие себя за хвост, обрамляли Мишкины уши и делали их менее заметными.

– Гениально, – восторженно произнесла Маша. – Уроборос. Кажется, это так называется? – сумничала она.

– Это древнейший китайский символ цикличности природы: жизни и смерти, созидания и разрушения, – таинственно произнес Мишка.

– Какой ты умный.

– В том-то и дело, дорогая Манечка. А я хочу, чтобы меня хоть кто-то считал еще и красивым, – Мишка залился звонким смехом.

Девушка покраснела и ничего не ответила. Она смотрела на него глазами, излучавшими вселенскую любовь и ласку. Какая ей была разница, что у него там с ушами.

– А переносицу пробьем, дабы эстетически уравновесить модификацию головы, – важно заключил Миша.

Через два дня начинали принимать документы во все вузы страны. Маша сгорала от нетерпения. Ей хотелось быстрее закрыть эту тему. «Можно, конечно, пойти учиться сразу в два института, – размышляла она. – В архитектурный – как и хотела, и в институт МВД – это дело принципа».

Когда она озвучила эту идею родителям, мать схватилась за голову:

– Машунь, ты хочешь слохнуть, обучаясь в двух институтах?

– А что такого? Многие так делают.

– А как же твоя мечта?! Ты бредила архитектурным. Я все понимаю, гибель Миши повлияла на твои планы. Но не до такой же степени.

– Мам, давай не будем это обсуждать. Вас никогда не смущали мои даже самые бредовые идеи. Что же изменилось?

– Сейчас решается твое будущее!

– У меня нет будущего без Миши, – отрезала Машка.

Мать зарыдала. Отец молча закурил папиросу.

Как всегда, в самый неподходящий момент вошла бабушка.

– Допрыгались, воспитатели хреновы? «Наша дочь – самостоятельная личность», – кривляясь, сказала Нина Андреевна.

– Бабушка, тебя только не хватало с нравоучениями, – предвидя полуторачасовую беседу, сказала Маша.

– Я бы тебя удавила еще тогда, когда ты в языке дырку сделала. Надо мною все подружки смеются. Не внучка, а пугало огородное.

– Ба, заколебала ты со своими проповедями.

– Вот лицу вас квартиры, тогда посмотрим, кто кого заколебал! – перешла на крик Нина Андреевна.

– Началось в колхозе утро! – возмущенно проревела внучка.

В конце концов, конфликт привел бы к семейной драме, если бы с книжной полки не упал Мишкин портрет, перевязанный черной лентой. Маша схватила его дрожащими пальцами, бережно прижала к груди и ушла в комнату. Казалось, она уже выплакала все слезы. Но нет, до кухни стали доноситься тихие всхлипывания. Отец схватился за папиросы и стал выкуривать одну за другой. Мать принялась нервно стирать хлебные крошки со стола. Бабушка же расхаживала туда-сюда, сложив руки за спиной. Наконец, она решительно двинулась к комнате внучки.

– Деточка моя, хотела тебе сказать, что я звонила в институт МВД дяде Паше. Помнишь, он как-то заезжал ко мне по делам? Так вот, Паша сказал, что у тебя есть все шансы на поступление: медаль, спортивные достижения и все такое. Только там медкомиссию нужно будет пройти. И психолога. А он не даст заключения о твоей психической адекватности: ты

со своими тоннелями и пирсингами неконкурентоспособна, – выпалила бабушка и застыла в ожидании реакции.

– Ты? Звонила? – перестала скулить Маша.

– Я, конечно, многого не понимаю, может, в силу своего возраста и воспитания. Но это не значит, что я тебя не люблю.

– Помощь пришла, откуда не ждали, – зло пошутила Маша.

– Не хочешь – не принимай, – спокойно ответила Нина Андреевна.

– А какой у тебя интерес? Еще пятнадцать минут назад ты лишала меня наследства, – не веря в искренность слов бабушки, заявила внучка.

– Во-первых, не тебя, а родителей. Во-вторых, я еще собираюсь немного пожить, – раздраженно произнесла бабушка, но тут же спохватилась и добавила спокойно: – Я тебе дурного не посоветую.

– Хорошо, ба, я тебя услышала, – сказала Маша.

Нина Андреевна вышла из комнаты внучки и, ничего не сказав родителям, удалилась в свою.

На следующее утро Маня направилась к хирургу – зашивать дыру в ухе. «Слава Богу, татуху не успела набить», – с чувством облегчения подумала она. Вернувшись домой после несложной процедуры, Маша развела в специальной мисочке краску и закрылась в ванной.

Через час в кухне появилась миловидная девушка с каштановыми волосами. На ней еще были надеты растянутая майка, гольфы в полоску и высокие черные ботинки, но они уже не гармонировали с новым образом. Маше не понравилось отражение в зеркале – слишком бледное. Однако бабушка сказала, что это дело привычки.

– Быстро ты переметнулась в другой лагерь, – заявил прикуривающий очередную папиросу отец.

Маша опешила:

– Что ты имеешь в виду?

– Предательница ты, дочка. Бабка тебя обработала, а ты и повелась, – заключил он.

– А тебе, бать, прямо удалось поддержать человека. Спасибо и низкий поклон, – язвительно произнесла Маша. Она хотела разрыдаться, но передумала: много чести.

– Я вот твоей матери после свадьбы сказал, что ни под кого прогибаться не буду. Сколько времени она уговаривает меня бросить курить? А я, как кремень, – заявил отец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.